

ТАЙНЫ ФРУ-ФРУ

—Барышня, не смотрите на меня так, будто у вас бонна на дачу уехала!

—Помилуйте, как же я без прислуги корсет расшнурую?

—Это я с виду белый и пушистый, а характером — решительный.

Яна ЖИЛЯЕВА
Фото: Дмитрий МУХИН

Накануне Пасхи, в Чистый четверг, мы улетали в Омск.

— Сегодня нужно было идти в баню и красить яйца, — сообщила мне Татьяна Михалкова в аэропорту. — Я весь день варила луковую шелуху, а потом в чулочек яйца закручивала и так красила... Вообще в Страстную неделю все очень строго. Но нас батюшка на поездку благословил, потому что у нас не развлечение, а работа.

На фоне суровых омичей, деловито пакующих багаж ночью в аэропорту "Домодедово", фигурка Татьяны в легком пальто, туфельках с открытыми пятками и черным бантиком на голове кажется нереальной, почти кукольной. Этакая малышка Эми при встрече с Железным Дровосеком...

Действительность не заставила себя ждать. Сонной вереницей мы выходим в железные ворота аэропорта. Стараюсь ориентироваться на бантик в светлых волосах, который мелькает на два шага впереди меня. Встречающие мрачно глядят колоннами слева и

справа. Проходит миг — симметрия распадается, и вот уже хаотичная толпа атакует нас со всех сторон:

— Казахстан! Казахстан! Казахстанчик! Девчонки, недорого! Поехали!..

В центре суматохи стоят две исполинские фигуры: гигантский медик по имени Тимофей и завкафедрой дизайна костюма Омского института сервиса Галина Толмачева. Они как магниты притягивают к себе фигурку с большим портпледом и громко чмокают в щеки: "С приездом!"

Омск — как оазис в пустыне. Он стал восьмым населенным пунктом на пути многодневного путешествия по городам России оргкомитета и съемочной группы фонда "Русский силуэт". Серия региональных полуфиналов модного конкурса "Я помню чудное мгновенье..." завершилась в Сибири. В Омской области нет городов: вокруг — снежные и лесные пространства. Ближайшие сибирские города — на расстоянии полутора тысяч километров, не меньше. Зато рядом, всего в 150 километрах,

— казахская граница. А потому омичи курят казахское "Мальборо", которое стоит почему-то ничуть не дешевле, чем в Москве, и старательно пытаются выстроить новые экономические связи с азиатским соседом.

— Омичек ни с кем не спутаешь, — улыбаясь ярко-красным ртом, сообщает мне местная председатель Союза дизайнеров, — кровь у нас такая, намешанная! Когда иностранцы спрашивают меня, в чем секрет Сибири, я отвечаю: в наших женщинах. Вы посмотрите, какие лица белые, какая походка величавая! Если идет по улице женщина и несет свою красоту с достоинством — точно наша, сибирячка!

Вопрос, есть ли мода в России, — риторический. Если говорить о фэшн-индустрии, то это все, безусловно, утопия. Мы можем заматываться в тряпочку и молчать, тихо млея над каким-нибудь журналом типа "Бурда Моден". Потому что у нас, как и раньше, каждый сам себе режиссер. Слава Зайцев может всю жизнь бороться со своими вороватыми коммерческими директорами, Ирина

Крутикова — путешествовать по городам и весям без подобающей свиты и директора... Но добиться того, чтобы русские дизайнеры создавали носибельные модели, чтобы русские фабрики смогли эти модели шить из русских качественных тканей и чтобы русская женщина в русской одежде чувствовала себя женщиной, — такой моды в России нет. И мы вряд ли на своем веку ее увидим.

Но мода в России, безусловно, есть. И эта мода, конечно, штучный товар. Молодые и не очень молодые дизайнеры генерируют свои идеи. Где-то — в потоке мировой моды, где-то — опережая, где-то — опаздывая. Но творческих индивидуальностей нам хватает. Наравне с икрой, нефтью и лесом мы вполне можем торговать нашей модой.

Мы не получили настоящей модной индустрии, но в игру "Прета-порте" (по Олдману) играем вовсю. Мы издаем собственные "Вог" и "Харперс Базар", у нас успешно продается "Эль", и даже такое сугубо французское модное чтиво, как официальный вестник Палаты Высокой моды

"ффисьель", тоже издается на русском языке. Правда, нам нечего отслеживать. Собственный театр прет-а-порте пока напоминает маленькую секту одержимых, а наши доморощенные критики в основном соревнуются в злоязычии, оттачивая свое "дуэльное оружие" друг на друге. Повествование о каком-либо модельере в узких кругах обычно выглядит примерно так: "Я очень ее люблю. Она милая девочка. Но вот..." — дальше следует пространная реплика о том, что крой ужасен, идеи все сплошь не только ворованные, но и безграмотные, и со вкусом тоже напряженка...

С кем ни поговоришь — все ужасно переживают за судьбы российской моды. Все единодушно отмечают ее великое будущее и замечательное дореволюционное прошлое. Но вот когда заходит речь об отечественных достижениях на ниве дизайна одежды, на Государственную премию выдвигается... Том Клайм. А что, говорят нам в Союзе дизайнеров, кто еще, кроме него, — назови!..

Мы лениво просыпаемся. Сверяем часы. Должно быть плюс три. Оказывается, стрелки не перевелись. Зачем? Прилетели же на один день... "Московский снобизм!" — ворчит фотограф Дима, уничтожая третье пирожное за завтраком...

Татьяна дает бесконечные интервью местной прессе:

— Главное — не пойти по пути повтора исторического костюма. Нам интересно современное творчество, а не механическое повторение, — уверяет она.

И конечно, отвечает на вопрос, легко ли быть женой Никиты Михалкова.

Какая-то местная поклонница дарит Михалковой коробку шоколадных конфет. Татьяна в растерянности разглядывает пеструю коробку: "А мне Никита всегда говорит: ничего не бери, ничего не пробуй, дверь

не открывай. Однажды мы с Надейшли по улице, и нас угостили мороженым, а Никита как закричит: "Выбрось немедленно!"

Нам повезло. Местное жюри отсело часть конкурсантов, и в региональный полуфинал пушкинского модного конкурса вышло всего 37 коллекций. Тридцать семь девочек — от второго до пятого курса — трясутся за кулисами, пока мы с помпой занимаем места в зале.

Внутри меня ехидно щекошет вопрос: что сказал бы Александр Сергеевич, если б знал, что станет не только именем фабрик, заводов и пароходов, героем скетчей, стихов и романов, но еще и воплотится в километрах тканей?

Увы, пушкинской эротики не было вовсе. Лишь в одной коллекции робко мелькнули панталоны и скрылись. Современный дизайн одежды на пушкинскую тему похож скорее на сочинение на тему "Мой Пушкин". И вот тут-то авторы оттянулись!

Им, конечно, было не до Пушкина. Подгонять цитаты и названия под печатного Александра Сергеевича оказалось некогда. Зато торжествовал Пушкин неформальный. Кто, как не он, был главным ценителем женских прелестей своей эпохи?.. И вот вам "Фру-Фру". Нет, это не лошадь любовника Анны Карениной — это пышные крахмальные юбки пушкинской поры. Корсеты на шнуровке — точные, элегантные, скульптурные. Из тех, что так часто приходилось расшнуровывать Александру Сергеевичу и примерять в бабушкином шкафу Жану-Полю Готье. Эротичные и недоступные.

Нижнее белье цвета хаки с оттенком милитари. Вот вам наряд памяти Пушкина в контексте современной моды.

Современная мода не делает героев. Современные герои сами делают моду. Костюм — лишь рамка для

Три года
Никита Михалков
снимал киноэпос
"Сибирский
цирюльник".
Но до Сибири так
и не добрался...
Зато добралась его
жена Татьяна.

портрета яркого современника. Александр Сергеевич — мужчина яркий. Картежник, дуэлянт, волокита. Мачо, одним словом. Из таких, как Антонио Бандерас в рекламе колготок.

А потому мода по Пушкину — это мода для ярких мужчин. "Покинуть для седла" — идеальная коллекция одежды от студентки Южаниновой для современного жиголо. Все трансформируется в зависимости от ситуации и настроения. Фатоватое приталенное серое пальто под резиками открывает локти. Объемный белый свитер оказывается все-таки лишь шарфом. Мохеровые варежки оголяют большие пальцы. Роскошь стилиги и соблазнителя. Такого пустишь на минутку в отсутствие бонны выпить чашечку чаю — в пять минут окажешься без своей фру-фру.

Но можно и откровеннее. "Сила,

ум, резкость" — просто и по-деревенски. Трикотажные прозрачные майки, что показывают сильные торсы, облегающие пиджаки и свитера. "Не нравится мне такая агрессивность", — морщилась Ирина Крутикова. Что поделать: наш литературный кумир тоже был не подарок.

Общая гамма — очень тревожная. Странно, ведь "солнце русской поэзии" было далеко от паранойи. А тут — серый во всех оттенках соседствует с черным, заколотые, заматанные силуэты, непременно шнуровка, веревка, так и норовит выскочить кто-нибудь однорукий... Ну решительно никакого гедонизма! Зато полно пуховых платков. Это уже не Александр Сергеевич, а Ирина Родионовна какая-то...

Хороша, как всегда, оказалась Оля Иванова — гордость омской школы, прошлогодняя выпускница института. В ее "Очи черные" хотелось заглянуть и примерить. Чистота силуэта, красота замысла, логическая законченность...

Жюри подсчитывает баллы и награждает победителей. Татьяна Михалкова и Ирина Крутикова произносят свои заключительные речи. Для них уже все. Официальный Омск закончен, впереди московский финал. За кулисами — слезы. Завтра еще не началось, а сегодня уже прошло. Год работы, море эскизов, выкроек, тканей, собственных денег и юношеского энтузиазма позади. Пятерых девочек ждет Москва, финал. Тридцать две остаются в Сибири.

В ночь на Страстную субботу мы пьем шампанское. Татьяна танцует до упаду, чтобы через пару часов вскочить, опять надеть свои трогательные туфельки с бантиками и бежать в аэропорт. Дома ждет семья. Ведь надо еще успеть освятить куличи и яйца и встретить Пасху.

МК Бульвар. — 1999 — 3-9 мая. — с. 38-39